

Приемы нейтрализации: теория делинквентности¹

Грешем Сайкс
Дэвид Маца

Стремясь обнаружить истоки делинквентности несовершеннолетних, социологи давно прекратили поиск пороков, пребывающих в душе, или стигм, явленных на теле. В настоящий момент широко распространено представление, что делинквентное поведение, подобно большинству видов социального поведения, является приобретенным и усваивается в процессе социального взаимодействия.

Классическое изложение этой позиции представлено в теории дифференциальной ассоциации Эдвина Сатерленда, согласно которой преступное, или делинквентное, поведение предполагает усвоение (а) приемов совершения преступлений и (б) мотивов, побуждений, оснований и установок, благоприятствующих нарушению закона [Sutherland, 1955, p. 77–80]. К сожалению, как в теоретических, так и в прикладных работах уделялось относительно мало внимания конкретному содержанию того, что именно в данном случае усваивается — в отличие от самого процесса, в ходе которого происходит усвоение. Возможно, единственные серьезные усилия в попытке понять природу этого содержания предпринимались теми исследователями, кто ставил во главу угла идею делинквентной субкультуры. Утверждается, что основной характеристикой делинквентной субкультуры является система ценностей, которая представляет собой инверсию ценностей, исповедуемых уважаемым законопослушным обществом. Мир делинквентной личности — это перевернутый с ног на голову мир законопослушания, а его нормы выступают силой, направленной против подчиняющего своим правилам социального порядка. Альберт К. Коэн [Cohen, 1955] рассматривает процесс развития делинквентной субкультуры как создание, поддержание и укрепление кодекса поведения, существующего в пику этому порядку, кодекса, который от начала до конца противоречит господствующим ценностям, в особенности ценностям среднего класса. Коэн описывает делинквентность с высо-

Сайкс Грешем, американский социолог и криминолог (1922–2010).

Маца Дэвид, американский социолог (1930–2018).

В статье представлен критический анализ доминирующих социологических теорий делинквентности несовершеннолетних, в частности тех, которые основаны на концепции делинквентной субкультуры с ценностями, прямо противоположными общепринятым. Авторы, Грешем Сайкс и Дэвид Маца, оспаривают представление о том, что делинквентные личности полностью отвергают конвенциональные социальные нормы. Они утверждают, что, если бы такие личности действовали в рамках совершенно альтернативной моральной системы, они не испытывали бы чувства вины или стыда, однако эмпирические данные свидетельствуют об обратном.

Для разрешения этого парадокса авторы вводят понятие *приемов нейтрализации*. Это набор оправданий и рационализаций, которые делинквентные личности используют для временного приостановления своей приверженности общественным ценностям, что позволяет им совершать девиантные поступки, не разрушая своих базовых моральных установок. В статье выделяются и подробно описываются пять основных приемов: отрицание ответственности, отрицание вреда, отрицание жертвы, осуждение осуждающих и апелляция к вышестоящим лояльностям. Осваивая эти приемы, индивиды могут «дрейфовать» между конвенциональным и делинквентным поведением. Данная теория предлагает более тонкое понимание психологических механизмов, способствующих делинквентности, рассматривая ее не как продукт отдельной системы ценностей, а как временное отклонение от общепринятой.

Ключевые слова: делинквентность несовершеннолетних; приемы нейтрализации; девиантное поведение; субкультура; социальные нормы; чувство вины и стыда; рационализация

Цитирование: Сайкс, Г., & Маца, Д. (2025). Приемы нейтрализации: теория делинквентности. *Городские исследования и практика*, 10(4), 121–128. <https://doi.org/10.17323/usp1042025121-128>

¹ Sykes, G. M., & Matza, D. (1957). Techniques of neutralization: A theory of delinquency. *American Sociological Review*, 22(6), 664–670.

кой степенью детализации, старательно избегая слишком простых объяснений, например, основанных на принципе «следуй за лидером», либо легко напрашивающихся обобщений по поводу «эмоциональных расстройств». Кроме того, Козэн не воспринимает делинквентную субкультуру как нечто заданное — вместо этого он систематически исследует функцию делинквентных ценностей как конкурентоспособного инструмента решения проблем в сфере социального статуса, с которыми сталкиваются мальчики из низших классов. Однако, несмотря на свои достоинства, данное представление о делинквентности несовершеннолетних как форме поведения, основанной на конкурирующих или противодействующих ценностях и нормах, судя по всему, обладает рядом серьезных изъянов. Характер этих изъянов, наряду с возможным альтернативным или видоизмененным объяснением значительного сегмента делинквентности несовершеннолетних, и рассматривается в нашей статье.

Затруднения, связанные с рассмотрением делинквентного поведения как проистекающего из набора девиантных ценностей и норм — иными словами, из ситуации, где делинквентная личность определяет собственную делинквентность как нечто «правильное», — имеют как эмпирический, так и теоретический характер. Во-первых, если бы некая делинквентная субкультура, в рамках которой делинквентная личность считает свое противоправное поведение морально корректным, действительно существовала, то можно было бы обоснованно допустить, что такая личность не станет испытывать чувства вины или стыда при раскрытии своих деяний или заключении под стражу. Напротив, ее основной реакцией на это будут негодование или ощущение мученичества¹. Некоторые делинквентные личности и правда демонстрируют подобную реакцию, хотя их ощущение мученичества зачастую, похоже, основано на том обстоятельстве, что другим «все сходит с рук», а предметом негодования явно выступают те случайные события или нехватка преступных навыков, которые привели к аресту. Но еще более важен следующий момент: существует немало свидетельств того, что многие делинквентные личности действительно испытывают ощущение вины или стыда, а его внешнее выражение не следует пренебрежительно считать чисто манипулятивным жестом, призванным умиловить представителей власти. Значительная часть этих свидетельств, разумеется, имеют клинический характер либо

представляют собой эмоциональные суждения тех, кому приходится непосредственно сталкиваться с юными правонарушителями. Придавать вес таким свидетельствам можно лишь с осторожностью, однако их нельзя игнорировать, если мы намерены избежать грубого стереотипа, где несовершеннолетняя делинквентная личность предстает закоренелым гангстером в миниатюре.

Во-вторых, наблюдатели отмечают, что несовершеннолетние делинквентные личности нередко испытывают восхищение и уважение к законопослушным людям. «Реально честный» человек часто вызывает почтение, и если правонарушитель порой слишком старательно стремится обнаружить лицемерие в тех, кто ведет себя конформно, то безусловная порядочность, скорее всего, заслужит его одобрение. Страстную привязанность к скромной и набожной матери или всепрощающему праведному священнику (первый момент, по мнению многих наблюдателей, часто характерен как для несовершеннолетних делинквентных личностей, так и для взрослых преступников) можно списать на тривиальную сентиментальность, однако из этого по меньшей мере понятно, что делинквентная личность не обязательно считает аморальными тех, кто соблюдает закон. В том же духе можно отметить, что несовершеннолетняя делинквентная личность способна испытывать сильное возмущение, если противоправное поведение приписывается «значимым другим» из ее ближайшего социального окружения либо героям из мира спорта и развлечений. Иными словами, если делинквентная личность действительно придерживается некоего набора ценностей и норм, полностью противоречащих ценностям и нормам респектабельного общества, то ее соблюдение норм носит особый характер. Несмотря на то что такая личность, вероятно, всецело привержена девиантной системе делинквентной субкультуры, во многих случаях она явно будет признавать моральную обоснованность господствующей нормативной системы².

В-третьих, существует множество свидетельств того, что несовершеннолетние делинквентные личности зачастую проводят четкую границу между теми, кто может и кто не может стать жертвой. С их точки зрения, определенные социальные группы не следует рассматривать как «честную добычу» при совершении как бы санкционированных делинквентных действий, тогда как на представителей других групп можно обоснованно нападать разно-

1. Примерами данного типа реакции среди адептов девиантной субкультуры, которые полностью уверены в том, что ведут себя «по правде», и подвергаются задержаниям и наказаниям со стороны институтов господствующего социального порядка, вероятно, выступают такие группы, как Свидетели Иеговы*, ранние христианские секты, националистические движения в колониальных территориях и отказники от военной службы по убеждениям во время Первой и Второй мировых войн.

* Организация, признанная экстремистской и запрещенная в РФ.

2. Как указывал Макс Вебер, вор может признавать легитимность правовых норм, не принимая их моральной обоснованности («Вор, скрывая свой поступок, ориентируется на значимость законов уголовного права. Он вынужден скрывать его именно потому, что в определенной среде порядок сохраняет свою “значимость”») [Weber, 1947, p. 125; Вебер, 1990, с. 637–638]. Мы же утверждаем, что несовершеннолетняя делинквентная личность зачастую признаёт как легитимность господствующего социального порядка, так и его моральную «правоту».

образными способами. В целом потенциал виктимизации, по-видимому, зависит от социальной дистанции между несовершеннолетней делинквентной личностью и другими людьми. Именно поэтому в мире такой личности обнаруживаются неявно подразумеваемые принципы — например, «не кради у друзей» или «не занимайся вандализмом в церкви своей религии»³. Все это довольно очевидные вещи, однако их последствиям не уделялось достаточного внимания. Тот факт, что заведомо ценностно-ориентированное поведение обычно направлено против социальных групп, которым в ценности отказывается, намекает на то, что «неправомерность» такого делинквентного поведения осознаётся его субъектами гораздо масштабнее, чем об этом сообщают исследователи. Когда круг жертв определяется такими соображениями, как родство, дружба, принадлежность к этнической группе и социальному классу, возраст, пол и т.д., имеются основания подозревать, что благочестие делинквентности далеко не бесспорно.

В-четвертых, сомнительно предположение, что многие несовершеннолетние делинквентные личности абсолютно невосприимчивы к тем требованиям конформности, которые предъявляет господствующий социальный порядок. Родственники юного правонарушителя с высокой вероятностью согласятся с мнением уважаемого общества, что в делинквентности нет ничего хорошего, даже если эти родственники сами участвуют в различных противоправных деяниях. Иными словами, положение родителей, создающее условия для делинквентности, едва ли выступает позитивным стимулом. Каким бы ни было влияние родительского примера, модель делинквентной социализации, которую можно назвать именем диккенсовского Фейгина,⁴ встречается, вероятно, редко. Более того, как отмечал Фриц Редль, представление о том, что определенные городские районы полностью охвачены делинквентностью и тем самым дают детям безусловный образец для соответствующего поведения, попросту не подтверждается эмпирическими данными [Kobrin, 1951].

Тот факт, что за свои делинквентные действия ребенок подвергается наказаниям родителей, учителей и представителей закона, способен, как цинично отмечали многие наблюдатели, навести ребенка на мысль: чтобы не попасться, нужно быть осторожнее. В то же время существует сопоставимая, а то и большая вероятность, что ребенок усвоит требования конформности. Это не значит, что требованиям конформности невозможно противостоять. В действительности, как мы увидим ниже, понимание того, каким способом нейтрализуются вну-

тренние и внешние требования конформности, возможно, имеет принципиальное значение для понимания делинквентного поведения. Утверждение, что ребенок может усвоить эти требования, подразумевает следующее: полное отрицание обоснованности требований конформности и замена их на новую нормативную систему практически невозможны, учитывая такие неотъемлемые от статуса детей и подростков в социальной структуре моменты, как зависимость от взрослых и нахождение в окружении взрослых. Сколь бы глубоко ребенок ни «влип» в делинквентные паттерны поведения и сколь бы эта вовлеченность ни перевешивала его связи с законопослушными лицами, ему не удастся избежать порицания за свои девиантные действия. Требованиям конформности необходимо так или иначе соответствовать и реагировать на них, их невозможно игнорировать как часть чуждой системы ценностей и норм.

Одним словом, теоретическое представление о делинквентности несовершеннолетних как форме поведения, основанной на ценностях и нормах девиантной субкультуры по аналогии с тем, как законопослушное поведение основано на ценностях и нормах общества в целом, вызывает серьезные сомнения. Невозможно игнорировать тот факт, что мир делинквентной личности встроено в более масштабный мир, основанный на конформности, а равно невозможно ставить на одну доску делинквентного несовершеннолетнего и взрослого, прошедшего основательную социализацию в альтернативном образе жизни. Напротив, делинквентный несовершеннолетний, судя по всему, хотя бы отчасти связывает себя с господствующим социальным порядком, поскольку он нередко испытывает вину или стыд, нарушая предписания этого порядка, с одобрением относится к определенным лицам с конформным поведением и различает уместные и неуместные мишени для своих девиантных поступков. Именно этот парадоксальный факт делинквентности несовершеннолетних требует объяснения, к которому мы теперь переходим.

Как заметил однажды Моррис Коэн, одна из наиболее увлекательных проблем, связанных с человеческим поведением, заключается в том, почему люди нарушают те законы, в которые они верят. Именно с этой проблемой мы сталкиваемся при попытке объяснить, почему делинквентность существует, несмотря на то что люди в той или иной степени привержены навыкам конформности. Главную подсказку дает то обстоятельство, что социальные правила или нормы, которые иницируют ценностно-ориентированное поведение, редко принимают вид категорических императивов — если такое вообще

3. Хорошей иллюстрацией в данном случае выступает описание Фредериком Трэшером банды «Ицки», состоявшей из еврейских подростков, где упоминается, что ее участники не подвергали пьяниц-евреев «роллингу» (ограблениям с применением насилия) [Thrasher, 1947, p. 315].

4. Фейгин — персонаж романа Чарльза Дикенса «Приключения Оливера Твиста», который учит детей добывать средства к существованию карманными кражами и другими преступлениями в обмен на крышу над головой. — Прим. пер.

случается. Скорее, ценности или нормы предстают в качестве *ограниченных* руководств к действию, применимость которых ограничена такими факторами, как время, место, конкретные лица и социальные обстоятельства. Например, во время войны моральный запрет на убийство не распространяется на противника на поле боя, хотя противник, попавший в плен, вновь попадает под этот запрет. Аналогичным образом многие воспринимают как правильное решение изъятие и распределение дефицитных товаров во времена, когда общество испытывает в них острую потребность, хотя в иных обстоятельствах частная собственность считается неприкосновенной. Таким образом, нормативную систему общества отличает то качество, которое Робин Уильямс-младший назвал *гибкостью* (*flexibility*): эта система не представляет собой свод правил, обязательных в любых условиях [Williams, 1951, p. 28].

По сути, эта гибкость выступает неотъемлемой составляющей уголовного права, поскольку «обстоятельствами, исключаящими преступность деяния» (“defenses to crimes”), выступают такие предлоги, как несовершеннолетний возраст, необходимость, невменяемость, интоксикация, принуждение, самооборона и т.д. Соответствующее лицо может избежать моральной ответственности за свои преступные действия – а следовательно, и негативных санкций общества, – если ему удастся доказать отсутствие преступного умысла. *Основной тезис нашей работы заключается в следующем: в основании делинквентности во многих случаях лежит еще, по сути, нераспознанное расширение обстоятельств, исключаящих преступность деяния. Это расширение принимает вид таких обоснований девиации, которые считает имеющими силу сама делинквентная личность, а не правовая система или общество в целом.*

Исследователи обычно именуют данные обоснования рационализациями. Они рассматриваются как следующие за девиантным поведением меры, при помощи которых индивид защищается от самообвинений и осуждения другими после совершения поступка. В то же время есть основания полагать, что рационализации предшествуют девиантному поведению и делают его осуществимым. Именно эту возможность лишь вскользь упомянул Сатерленд, а другим авторам не удалось использовать ее с точки зрения социологической теории. Неодобрение, источником которого выступают усвоенные нормы и присутствующие в социальном окружении конформные другие, нейтрализуется, отражается или отклоняется заранее. Инструменты социального контроля, призванные сдерживать или подавлять девиантные мотивационные паттерны, становятся

нефункциональными, и индивид может свободно совершать делинквентные действия без серьезного ущерба для восприятия себя в собственных глазах. В этом смысле делинквентной личности удастся одновременно сидеть на двух стульях, поскольку она сохраняет приверженность господствующей нормативной системе, но при этом модифицирует ее императивы таким образом, что нарушения оказываются «приемлемыми», а то и «правильными». Таким образом, делинквентная личность оказывается не каким-то радикальным оппонентом законопослушного общества, а больше напоминает предающегося апологетике неудачника, который в собственных глазах нередко оказывается скорее жертвой, а не преступником. Данные обоснования девиантного поведения мы именуем приемами нейтрализации, полагая, что они выступают ключевой составляющей «формулировок, благоприятствующих нарушению закона», о которых говорится у Сатерленда⁵. Несовершеннолетний становится делинквентной личностью именно благодаря усвоению этих приемов, а не моральных императивов, ценностей или установок, прямо противоречащих тем, что господствуют в обществе. Анализ этих приемов подсказывает, что их целесообразно разделить на пять основных типов.

Отрицание ответственности. Поскольку делинквентная личность может определять себя как не несущую ответственности за свои девиантные поступки, эффективность такого инструмента сдерживающего воздействия, как негативная оценка самого себя или других, резко падает. Как выразился судья Холмс, даже собака различает, когда о нее споткнулись и когда ее пнули,⁶ а в современном обществе не менее тщательно проводится граница между неумышленным ущербом, не предполагающим ответственности, и ущербом умышленным. Однако отрицание ответственности в качестве метода нейтрализации выходит далеко за рамки утверждения, что девиантные действия являются «случайностью», или иного подобного отрицания личной ответственности. Может также утверждаться, что делинквентные действия обязаны силам, внешним по отношению к индивиду и неподконтрольным ему, таким как отсутствие родительской любви, дурная компания или трущобный район. По сути, делинквентная личность приближается к представлению о самой себе, напоминающему «бильярдный шар»: человек воспринимает себя беспомощно заброшенным в череду различных ситуаций. С точки зрения психодинамики такая установка по отношению к собственным действиям может представлять собой глубокое отчуждение от своего «я». Однако важно подчеркнуть, что интерпретации ответственности

5. Термин теории дифференциальной ассоциации Э. Сатерленда, обозначающий усвоенные установки и рационализации, которые оправдывают или извиняют преступное поведение, делая его приемлемым или вовсе желательным. – Прим. пер.

6. Это высказывание судьи Верховного суда США Оливера Уэнделла Холмса-младшего подчеркивает роль намерения в оценке деяний: действия имеют разные моральные и правовые последствия в зависимости от того, являются ли они случайными или преднамеренными. – Прим. пер.

являются культурными конструктами, а не просто индивидуальными представлениями. Сходство между данным способом обоснования противоправного поведения, используемым делинквентной личностью, и выводами, подразумеваемыми «социологической» системой координат или «гуманной» юриспруденцией, вполне очевидно⁷. Однако в данном случае интерес для нас представляет не обоснованность этой ориентации, а ее функция отклонения вины, связанная с нарушением социальных норм, и ее относительная независимость от особой структуры личности⁸. Приучаясь воспринимать себя скорее как объект воздействия, нежели как действующего субъекта, делинквентная личность намечает траекторию отклонения от господствующей нормативной системы без необходимости атаковать сами нормы в лоб.

Отрицание ущерба. Центральным элементом второго важного приема нейтрализации является ущерб или вред, которым сопровождаются делинквентные действия. В уголовном праве давно проводится различие между двумя типами преступлений: *mala in se*⁹ и *mala prohibita*¹⁰ – то есть между деяниями, дурными по своей природе, и деяниями незаконными, но не безнравственными. Точно такое же различие при оценке вредоносности своего поведения может проводить и делинквентная личность. Однако для последней вредоносность может быть сопряжена со следующим вопросом: наносят ли кому-то ущерб ее девиантные действия? Этот момент допускает разнообразные толкования. Например, вандализм делинквентная личность может определять просто как «озорство» – в конце концов, можно же утверждать, что лицам, чье имущество было уничтожено, вполне по карману его купить. Аналогичным образом угон автомобиля может восприниматься как «взять покататься», а драка между уличными бандами может рассматриваться как приватный конфликт, дуэль, условия которой оговорены между заинтересованными сторонами, а следовательно, как нечто такое, что не должно заботить общество в целом. Речь не идет о том, что данный прием нейтрализации, который мы именуем отрицанием ущерба, подразумевает явную диалектику. Напротив, мы утверждаем, что делинквентная личность нередко смутно ощущает, что ее поведение в действительности не причиняет особого вреда, несмотря на его противозаконный характер. Подобно тому, как взаимосвязь между индивидом и его действиями может нарушаться отрицанием ответственности, взаимосвязь между действиями и их послед-

ствиями может нарушаться отрицанием ущерба. Поскольку оценка обществом отдельных деяний, таких как прогулы, «розыгрыши» и т. д., порой совпадает с их оценкой делинквентными личностями, это лишь еще раз подтверждает мысль, что нейтрализация социального контроля при помощи ограничения норм, выполняемая этими личностями, является продолжением общепринятой практики, а не жестом отъявленного противодействия.

Отрицание жертвы. Даже если делинквентная личность принимает ответственность за свои девиантные действия и готова признать, что они влекут за собой ущерб или вред, моральное возмущение – как этой личности, так и всех остальных – может быть нейтрализовано при помощи настойчивой позиции, что в контексте сложившихся обстоятельств ущерб не является злом. Можно заявить, что ущерб – это на деле вовсе и не ущерб, а форма справедливого возмездия или наказания. Тонкая «алхимия» ставит делинквентную личность в положение мстителя, а жертва превращается в злодея. Нападения на гомосексуалистов или подозреваемых в гомосексуализме, нападения на представителей меньшинств, которые якобы перестали «знать свое место», вандализм в порядке мести пристрастному учителю или представителю школьного начальства, кражи у «нечистого на руку» лавочника – все это, с точки зрения делинквентной личности, может представлять собой ущерб, причиненный тому, кто сам нарушает правила. Как указывал Джордж Оруэлл, тип преступника, которым восхищается широкая публика, со временем, вероятно, изменился, и Артур Раффлс¹¹ больше не является героем [Orwell, 1946, p. 202–221; Оруэлл, 2016]. Однако Робин Гуд и его последующие эпигоны, такие как «крутой» детектив, стремящийся к справедливости, невзирая на закон, по-прежнему будоражат воображение публики, так что делинквентная личность может рассматривать собственные действия как элемент схожей роли.

В таком случае отрицание существования жертвы путем превращения ее в лицо, заслуживающее причинения ущерба, является крайним проявлением феномена, о котором уже говорилось выше, – а именно осознания делинквентной личностью уместных и неуместных мишеней для своих деяний. Впрочем, делинквентная личность может отрицать существование жертвы и в несколько ином смысле, силой обстоятельств самого делинквентного деяния. Когда жертва отсутствует физически, неизвестна или является какой-то смутной абстракцией (как это ча-

7. Немало наблюдателей иронично отмечали, что многие делинквентные личности явно демонстрируют удивительную осведомленность в социологических и психологических интерпретациях своего поведения и незамедлительно указывают на то, что оно было предопределено их неблагоприятной жизненной средой.

8. Разумеется, существует вероятность, что определенные структуры личности могут воспринимать некоторые приемы нейтрализации с большей готовностью, чем другие, однако этот вопрос остается в значительной степени неисследованным.

9. Зло само по себе (лат.).

10. Зло в силу запрета (лат.).

11. Артур Раффлс – персонаж произведений английского писателя Эрнеста Уильяма (Вилли) Хорнунга, взломщик-любитель, воспринимавшийся читателями как пародия на Шерлока Холмса (Хорнунг был женат на сестре Артура Конан Дойла). – Прим. пер.

сто бывает в случае преступных посягательств на чужую собственность), осознание существования жертвы ослабевает. Чтобы усвоенные нормы и ожидания реакций со стороны других выступали ориентирами для поведения, их необходимо каким-то образом активировать, и не исключено, что важную роль в определении того, будет ли запущен этот процесс, играет ослабленное осознание наличия жертвы.

Осуждение осуждающих. Четвертый прием нейтрализации внешне выглядит как осуждение осуждающих, или, в соответствии с формулировкой Ллойда Маккоркла и Ричарда Корна [McCorkle and Korn, 1954], отрицание отрицающих. Делинквентная личность перемещает фокус внимания с собственных девиантных действий на мотивы и поведение тех, кто осуждает совершаемые ею нарушения. В ее устах эти люди могут предстать лицемерами, замаскированными девиантными личностями или фигурами, которыми движет персональная неприязнь. Такая установка по отношению к миру конформности может иметь особое значение в тот момент, когда она перерастает в ожесточенный цинизм, направленный против тех, кто уполномочен обеспечивать соблюдение норм господствующего общества или выступать их выразителем. Полицейские тогда оказываются коррумпированными, глупыми и жестокими. Учителя всегда руководствуются фаворитизмом, а родители «срывают зло» на своих детях. Если слегка расширить эту логику, то вознаграждения, которые приносит конформность, такие как материальный успех, оказываются результатом связей или удачи – тем самым достоинство стоящих на стороне законопослушания принижается еще больше. Обоснованность этой пристрастной точки зрения не столь важна, как ее функция, заключающаяся в отражении или отклонении негативных санкций, которые связаны с нарушением норм. В результате в диалоге между собственными девиантными импульсами и реакциями окружающих делинквентная личность меняет тему и в нападках на других легче подавляет или не замечает неправомочность своего поведения.

Апелляция к вышестоящим лояльностям. Пятый, и последний, прием: внутренние и внешние механизмы социального контроля можно нейтрализовать, пожертвовав требованиями общества в целом в угоду требованиям отдельных социальных групп, к которым принадлежит делинквентная личность, таких как ближайшие родственники, банда или компания друзей. Важно отметить, что делинквентная личность необязательно отвергает императивы доминирующей нормативной системы, несмотря на свою неспособность их соблюдать. Напротив, делинквентная личность может воспринимать себя оказавшейся между двух огней, и разрешать эту дилемму придется, увы, ценой нарушения закона. Один из аспектов этой ситуации рассмотрен в рабо-

те Сэмюэла Стауффера и Джексона Тоби, которые исследовали конфликт между партикуляристскими и универсалистскими требованиями, притязаниями дружбы и общими социальными обязательствами. Полученные ими результаты свидетельствуют о «возможности классифицировать индивидов в соответствии с предрасположенностью выбирать ту или иную сторону положения между двух огней в ролевом конфликте» [Stouffer and Toby, 1951, p. 494]. Однако для наших целей наиболее важным моментом является то, что отклонение от определенных норм может происходить не потому, что они отрицаются, а из-за того, что на первое место ставятся другие нормы, считающиеся более жесткими или предполагающие более высокий уровень лояльности. Смысл нашим представлениям о ситуации между двух огней и ролевым конфликте действительно придает именно вера в обе группы норм.

Социологи, а также писатели, разумеется, давно рассматривают конфликт между притязаниями дружбы и требованиями закона (либо какую-то схожую ситуацию между двух огней) в качестве общечеловеческой проблемы. Если несовершеннолетняя делинквентная личность часто разрешает собственную подобную дилемму, настаивая на необходимости «всегда помогать дружбану» или «никогда не стучать на друга», – пусть даже это создает для нее серьезные проблемы с господствующим социальным порядком, – то ее выбор остается узнаваемым для заведомо законопослушных лиц. Нетипичная особенность делинквентной личности, возможно, заключается в степени, в которой она способна рассматривать свои действия от лица малых социальных групп, к которым она принадлежит, как оправдание нарушения норм, действующих в обществе. Но это вопрос именно степени, а не принципа.

«Я не собирался это делать». «Я никому по-настоящему не причинил вреда». «Они это заслужили». «Все ко мне придираются». «Я не для себя это сделал». Мы допускаем, что эти или похожие формулировки готовят несовершеннолетнего к делинквентным действиям. Но данные «определения ситуации» наносят лишь косвенные или скользящие удары по господствующей нормативной системе, а не создают идеологию противостояния ей – они выступают продолжением преобладающих в обществе паттернов мышления, а не являются чем-то, созданным *de novo*¹².

Приемы нейтрализации могут быть недостаточно мощными для того, чтобы полностью защищать индивида от силы его собственных усвоенных ценностей и реакций конформного окружения, ведь, как уже отмечалось, несовершеннолетние делинквентные личности, похоже, часто испытывают чувства вины и стыда, когда их призывают к ответу за девиантное поведение. А отдельные делинквентные личности могут быть настолько изолированы от мира конформности, что необходимость пускаться в ход

12. Заново (лат.).

приемы нейтрализации отсутствует. Тем не менее мы утверждаем, что приемы нейтрализации играют принципиальную роль в снижении эффективности механизмов социального контроля и скрыто присутствуют в значительной части случаев делинквентного поведения. Эмпирические исследования в данной сфере в настоящий момент разрозненны и фрагментарны, однако Фриц Редль [Redl and Wineman, 1956], Дональд Кресси [Cressey, 1951] и другие авторы в своих работах уже представили массив важных данных, которые во многом проясняют теоретическую проблематику и расширяют набор подтверждающих доказательств. На данном этапе представляются принципиально значимыми два направления исследований. Во-первых, нам требуется больше знаний о дифференцированном распределении приемов нейтрализации как функциональных паттернов мышления по критериям возраста, пола, социального класса, этнической группы и т.д. Априори можно предположить, что эти обоснования девиантности с большей готовностью принимаются теми сегментами социума, для которых наиболее очевидно расхождение между общими социальными идеалами и социальной практикой. Однако присутствует и такая возможность: обыкновение если не «ломать», то «гнуть» господствующую нормативную систему распространяется на используемые нами упрощенные социальные категории и должно возводиться прежде всего к моделям социального взаимодействия в родственном кругу. Во-вторых, необходимо более общее понимание внутренней структуры приемов нейтрализации как системы убеждений и установок, а также ее соотношения с различными типами делинквентного поведения. Некоторые приемы нейтрализации явно лучше приспособлены к одним девиантным действиям, чем к другим, как, например, в упоминавшихся выше случаях преступлений против собственности и отрицания жертвы. Однако этот вопрос остается далеко не проясненным и по-прежнему требует дополнительной информации.

Так или иначе, приемы нейтрализации определенно являются перспективным направлением исследования, расширяющим и систематизирующим теоретическое понимание делинквентности несовершеннолетних. По мере появления новых сведений о приемах нейтрализации, их происхождении и последствиях мы сможем взглянуть в новом свете как на частную проблему делинквентности несовершеннолетних, так и на девиации в рамках нормативных систем в целом.

Перевод с английского Николая Проценко

Источники

- Вебер, М. (1990). Основные социологические понятия. В *Избранные произведения* (с. 602–643). Москва: Прогресс.
- Оруэлл, Дж. (2016). Раффлз и мисс Блэндиш. В *Хорошие плохие книги* (с. 222–248). Москва: АСТ.

- Cohen, A.K. (1955). *Delinquent boys*. Glencoe, IL: The Free Press.
- Cressey, D.R. (1953). *Other people's money*. Glencoe: The Free Press.
- Kobrin, S. (1951). The conflict of values in delinquency areas. *American Sociological Review*, 16, 653–661.
- McCorkle, L.W., & Korn, R. (1954). Re-socialization within walls. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 293, 88–98.
- Redl, F., & Wineman, D. (1956). *Children who hate*. Glencoe: The Free Press.
- Stouffer, S.A., & Toby, J. (1951). Role conflict and personality. In T. Parsons & E.A. Shils (Eds.), *Toward a general theory of action*. Cambridge: Harvard University Press.
- Sutherland, E.H. (1955). *Principles of criminology*. Chicago: Lippincott.
- Thrasher, F.M. (1947). *The gang*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Williams, R., Jr. (1951). *American society*. New York: Knopf.

**TECHNIQUES OF NEUTRALIZATION:
A THEORY OF DELINQUENCY**

Gresham Sykes, American sociologist and criminologist (1922–2010).

David Matza, American sociologist (1930–2018).

This article presents a critical analysis of the dominant sociological theories of juvenile delinquency, particularly those centered on the concept of a delinquent subculture with values in direct opposition to mainstream society. The authors, Gresham Sykes and David Matza, challenge the notion that delinquents fully reject conventional social norms. They argue that if delinquents operated within a completely alternative moral framework, they would not experience guilt or shame, yet empirical evidence suggests they often do.

To resolve this paradox, the authors introduce the concept of “techniques of neutralization.” These are a set of justifications and rationalizations that delinquents use to temporarily suspend their commitment to societal values, thereby allowing them to engage in deviant acts without fundamentally challenging their own moral compass. The article identifies and elaborates on five primary techniques: the denial of responsibility, the denial of injury, the denial of the victim, the condemnation of the condemners, and the appeal to higher loyalties. By learning these techniques, individuals can drift between conventional and

delinquent behavior. This theory provides a more nuanced understanding of the psychological mechanisms that enable delinquency, framing it not as a product of a separate value system, but as a temporary deviation from a shared one.

Keywords: juvenile delinquency; techniques of neutralization; deviant behavior; subculture; social norms; guilt and shame; rationalization

Citation: Sykes, G., & Matza, D. (2025). Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 121–128. <https://doi.org/10.17323/usp1042025121-128>

References

- Cohen, A.K. (1955). *Delinquent boys*. Glencoe, IL: The Free Press.
- Cressey, D.R. (1953). *Other people's money*. Glencoe: The Free Press.
- Kobrin, S. (1951). The conflict of values in delinquency areas. *American Sociological Review*, 16, 653–661.
- McCorkle, L.W., & Korn, R. (1954). Re-socialization within walls. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 293, 88–98.
- Orwell, G. (1946). *Dickens, Dali, and others*. New York: Reynal.
- Redl, F., & Wineman, D. (1956). *Children who hate*. Glencoe: The Free Press.
- Stouffer, S.A., & Toby, J. (1951). Role conflict and personality. In T. Parsons & E.A. Shils (Eds.), *Toward a general theory of action*.

Cambridge: Harvard University Press.

Sutherland, E.H. (1955). *Principles of criminology*. Chicago: Lippincott.

Thrasher, F.M. (1947). *The gang*. Chicago: The University of Chicago Press.

Weber, M. (1947). *The theory of social and economic organization*. New York: Oxford University Press.

Williams, R., Jr. (1951). *American society*. New York: Knopf.